

Герменевтическое измерение Гадамера в парадигмальной модели науки Куна

© Г.И. Ловецкий, И.И. Комиссаров

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Калужский филиал, Калуга, 248000, Россия

Рассмотрена деятельность нормальной науки Т. Куна в контексте герменевтических проблем, разработанных прежде всего в творчестве Х.-Г. Гадамера. Показано, что в нормальной науке при интерпретации окружающей действительности и других научных картин мира во многом выражены соответствующие представления Гадамера о понимании. Отмечено, что с помощью перенесения воззрений Гадамера в область философии науки можно наметить пути выхода из эпистемологического кризиса в отношении проблемы истины.

Ключевые слова: Кун, нормальная наука, парадигма, Гадамер, понимание, предрассудок, проблема истины

Принято рассматривать две разные философские традиции, которые с трудом находят точки пересечения: континентальную и аналитическую философию, но иногда можно говорить и об их интересных соприкосновениях. В данной статье исследован один такой контакт двух миров, который можно наблюдать в рамках философии науки в ее соприкосновении с герменевтическими проблемами. Речь пойдет о труде Т. Куна [1] и о проблемах понимания, которые разрабатывал прежде всего Х.-Г. Гадамер [2]. Будет показано, что существует потребность сопоставления положений Куна, связанных с наличием догматического элемента в осуществлении научной деятельности, и Гадамера, изучавшего проблемы предрассудков человеческого понимания.

Сами философы осознавали необходимость взаимопроникновения двух традиций [3, р. 66]. Гадамер затрагивал вопрос о возможности сведения философии к теории науки [4, р. 151–169]. Философия науки, по его мнению, сама показывает несостоятельность этого предприятия, а модель науки Куна позволяет открыть глаза представителям естественнонаучного знания на собственную ограниченность парадигмальным горизонтом. Подобные суждения позволяют говорить о герменевтическом измерении в теории Куна [4, р. 164]. Кун, хотя не находился в контакте с герменевтикой при написании основного труда, впоследствии признал важность герменевтического подхода для своих исследований [5, р. XIII]. Он говорил, например, о герменевтическом базисе науки конкретного периода: историку

науки необходимо овладеть герменевтической техникой, чтобы дешифровать незнакомые или устаревшие понятия. Уяснив их значение, можно в результате получить более или менее определенное представление об интересуемой исследовательской эпохе [6, с. 305, 306].

Почему в современной философии возникает потребность соединения двух философских воззрений? Потребность настолько сильная, что вопрос о том, существует ли герменевтическое измерение в естественнонаучном знании, уже не стоит на повестке дня у ряда исследователей, так как это свершившийся факт [7, р. 261]. Вполне возможно, что данная потребность отражает общую тенденцию восстановления единого системного образа науки [8, с. 10]. И здесь дело не столько в экспансии континентальной философии, сколько в осознании англосаксонскими философами того, что их деятельность зашла в эпистемологический тупик. Англосаксонская философия науки, пытаясь отмежеваться от культурно-исторической обусловленности, например, противопоставляя контекст обоснования и контекст открытия, последовательно пришла к эпистемологическому релятивизму, что нашло отражение в работах Куна и Фейерабенда. Что делать, если критерием истины выступает соответствие суждений фактам, тогда как ученые могут произвести на свет противоречащие друг другу интерпретации, которые в равной мере соответствуют описываемым ими фактам? И что делать с самой истиной, когда люди располагают только постоянно изменяющимися мнениями ученых, а сами факты как будто бы непроницаемы для языковой реальности и лежат нетронутые по ту ее сторону?

В распоряжении философов имеются два пути: избегание проблемы или ее конструктивное решение. В первом случае осуществляются поиски виноватого, на которого возлагается ответственность за разжигание кризиса в философии науки. Вместо принятия того, что фундамент философских построений был изначально непрочен, гонениям подвергается тот человек, который указал на это шаткое основание. В данных обстоятельствах виноватым оказывается все тот же Кун.

Осознание невозможности игнорировать культурно-исторические факторы заставило конструктивно настроенных философов обратиться к герменевтике, необходимости обогатить сложившуюся традицию новым взглядом на вещи и преодолеть таким образом релятивизм в эпистемологии. Именно поэтому диалог между философией науки и герменевтикой существует и постоянно поддерживается новыми исследованиями. Но, несмотря на то, что в некоторых работах проводятся параллели между Гадамером и Куном [3, 9], основное внимание уделяется все же Хайдеггеру [10, 11]. Итак, авторы статьи вправе заявить, что располагают законными основаниями для того, чтобы осуществить слияние двух горизонтов — трудов [1] и [2].

История научного знания дает немало поводов задуматься над этапами, которые наука проходит в своем развитии. Оптимистическое позитивистское размежевание науки и ненауки (религии и метафизики) было вызвано многообещающей победой научного мировоззрения. Казалось, наука может вести независимую жизнь от всего субъективного, догматического, иррационального. Но крушение одной полноценной научной парадигмы (Ньютона) и утверждение другой (Эйнштейна) серьезно озадачили философов науки, так как была доказана несостоятельность именно эмансипированного научного знания [12, с. 281]. Получается, что наука способна сильно ошибаться и без религиозных, метафизических и других предрассудков. А может, ранние исследования, обремененные подобными предрассудками, были не менее научными, чем современные?

В своем исследовании Кун принимает во внимание принцип историзма, который был разработан в XIX в. в гуманитарных науках. Значение этого принципа для гуманитарного знания сравнимо со значением эксперимента в качестве нового революционного средства познания для естественных наук. Согласно принципу историзма, настоящему исследователю культуры других народов, других временных пластов следует остерегаться оценивать иные эпохи, основываясь на представлениях собственной традиции. Исследователь должен абстрагироваться от современных представлений, насколько это возможно, и постараться понять другую культуру, исходя из ее собственного измерения. Многие области гуманитарных наук впитали в себя данное представление, но педагогическая направленность истории науки вплоть до середины XX в. предотвращала восприятие исследовательской областью такого ценного достижения [13, с. 2, 3].

Здесь сразу стоит оговориться, что, хотя этот аспект концепции Куна и приближает его к герменевтическим проблемам, представление Гадамера о влиянии исторической традиции подразумевает невозможность исследователя абстрагироваться от воздействия современной истории. Поэтому в данной статье внимание сконцентрировано на описании Куном деятельности нормальной науки, которая определяется действующей парадигмой, и в меньшей степени рассматривается вопрос, насколько сам Кун осознает свою историческую обусловленность.

Итак, Кун является тем философом, который преодолел рамки устоявшейся логико-методологической традиции и после которого игнорировать историческую обусловленность в исследованиях по истории науки более не представляется возможным. Кун в большей степени описывает движение науки, чем говорит о том, как оно должно быть на самом деле. В его представлении о науке существует переход от одной парадигмы к другой, который именуется научной

революцией. При этом нельзя говорить, что в последующей парадигме исправлены ошибки предшествующей, потерпевшей поражение. Обе парадигмы по-своему правильны, и они несоизмеримы. Ученые, которые представляют две разные парадигмы, живут в разных мирах, а язык, на котором они говорят, хотя и может оперировать теми же терминами, но в действительности не есть один и тот же.

Как может одна парадигма понять другую? Как в действительности это происходит? Такие вопросы могут быть уместны не только для философов науки, но и для представителей герменевтического направления.

Если рассматривать эту ситуацию со стороны самих исследователей, то фактически можно говорить, что парадигма ассимилирует предшествующую ей, т. е. говорит с ней на своем языке, оценивает со стороны своего контекста и не дает высказаться в свою защиту. Сообщество ученых, представляющих новую парадигму, в действительности экзаменует старые парадигмы, находит и исправляет ошибки, ищет новых предшественников современных теорий, которые, как правило, в свое время считались маргиналами и не оказывали никакого влияния на движение научного знания. В результате такого понимания прошлого как поступательного движения к настоящему рождается аккумулятивистская модель науки, материальным воплощением которой является учебник. Движение науки — это чередование приобретения новых достижений и отбрасывания ошибок и суеверий. Для успешного функционирования науки такая утилитаристская позиция вполне оправдана, но если речь заходит о построении адекватной модели науки, ее принятие только исказит представление об эволюции научного знания [1, с. 23, 24, 180–185].

На новую парадигму также может работать принцип соответствия [14, с. 92], согласно которому старые теории не отбрасываются полностью, но продолжают жить в рамках новых теорий с известными ограничениями. Так, механику Ньютона необязательно представлять ошибочной, можно сказать, что она продолжает работать в рамках теории Эйнштейна, но действует только при определенных условиях [1, с. 137]. Кун, принимая во внимание ограниченность подобной позиции, говорит, что в действительности ассимиляция не происходит, поскольку новая парадигма работает в рамках новой системы терминов. Получается, что масса у Ньютона и масса у Эйнштейна — это совершенно разные вещи, так как в новое понятие вкладывается смысл, являющийся неуместным при употреблении в старом контексте [1, с. 137–142].

Кун показал, что во время господства определенной парадигмы, т. е. в период нормальной науки, научное сообщество весьма догматично относится к фактам окружающего мира. Ученые изо всех сил

стараятся сохранить существующую парадигму. Поэтому при расхождении между теорией и полученными фактами, скорее всего, ученые будут стараться подогнать факты под теорию или внесут в теорию дополнения, которые смогут изолировать несоответствующие ей факты. Следовательно, для науки важно не столько открыть что-то радикально новое, сколько сохранить старое [1, с. 50, 51, 112, 113].

В связи с этим уместно упомянуть о представлениях Гадамера о понимании, которое изначально наполнено предрассудками, предпониманиями, зависит от существующей традиции. Неосуществим идеал эпохи Просвещения — создать такое понимание, которое было бы свободно от предрассудков. Кроме того, негативное отношение к предрассудкам основывается на собственном «предрассудке против предрассудков» [2, с. 324–329]. Получается, невозможно получить истину без влияния определенных традиций, но это не означает, по Гадамеру, что истина недоступна.

Нормальная наука в представлении Куна очень выразительно иллюстрирует представление Гадамера о понимании. Как было показано, ученые не способны выйти за границы данной парадигмы, их понимание природы и других парадигм всегда обуславливается уже готовым знанием. Деятельность нормальных ученых проходит в рамках исторического сознания, они претендуют на то, чтобы объективно и независимо от каких-либо предрассудков исследовать природу и собственную историю. Можно сказать, что Кун показал несостоятельность подобных претензий. Философ нащупал плоскость действенно-исторического сознания, т. е. показал, что сознание ученых всегда находится под воздействием истории, и, что не менее важно, помог осознать эту ситуацию самим ученым, ведь понимание собственной ограниченности может способствовать исправлению ошибок и приобретению нового скорректированного самосознания.

Процесс слияния горизонтов также демонстрирует деятельность нормальной науки. Уже было показано, что действующая парадигма ассимилирует предшествующие, переводит их на свой язык. При чтении учебной литературы невозможно понять, что принадлежит прошлому, а что настоящему, ведь создается впечатление, что многие поколения ученых прошлого работали именно для того, чтобы прийти к современному состоянию научного знания [1, с. 180, 181].

Кроме того, в учебной литературе заметно, что современная парадигма применяет достижения прошлых парадигм к нуждам своего времени. Цель учебной литературы — направить как можно больше молодых ученых на исследовательский путь современной парадигмы, доказать, что именно современное направление науки способно эффективно решать поставленные задачи [1, с. 34, 179–181, 213, 214]. Кун не раз говорил, что переход от одной парадигмы к другой можно

уподобить обращению в новую веру, причем после каждого такого перехода учебники всякий раз играют роль новой Библии [1, с. 197, 198]. Итак, очевиден примененческий аспект понимания, который у Гадамера, кстати, также иллюстрируется примером из области религии. Священник XVIII в. в своей проповеди истолковывал библейские сюжеты, применяя их к современной ситуации, в которой находятся верующие [2, с. 364–369].

Впоследствии Гадамер остро интересовался проблемой, заключавшейся в злоупотреблении аспектом понимания: если один человек понимает другого, то это не означает, что первый пытается втиснуть второго в структуру своего понимания. В этом контексте понимание сродни власти одного человека над другим: понимающий навязывает оппоненту свою далеко не доброжелательную волю. Если один человек, понимая другого, проецирует на него свою ситуацию, то могут возникнуть оправданные опасения того, что первый человек не замечает особенностей второго [15, с. 101–111]. Здесь стоит отметить, что Кун рассматривает ассимиляцию предшествующих парадигм действующим научным знанием не только как необходимую эффективную деятельность, но и как деятельность, искажающую предшествующие парадигмы до неузнаваемости. Любое современное научное знание пытается скрыть не просто наличие некоторых особенностей существовавших ранее картин мира, оно вообще не признает существования других исследовательских миров, как будто бы последних никогда не существовало [1, с. 183, 184]. Даже в период научных революций, когда конкурирующие парадигмы пересекаются, их приверженцы не в состоянии вести конструктивный диалог, так как парадигмы очень сильно отличаются друг от друга [1, с. 194]. Здесь вполне можно усмотреть порабощение, подчинение парадигм прошлого настоящей традиции. Не стоит забывать: именно то обстоятельство, что Кун не обошел стороной искажение мысли предшествующих эпох, подчеркнул несоответствие между тем, что наука думает и должна думать о себе, и тем, чем она является на самом деле, привело к возникновению принципиально новой концепции развития научного знания.

Для Гадамера язык приобретает всеобъемлющее значение. Без языка нет мыслей, понимания, предмет которого — языковое явление: «Бытие, которое может быть понято, есть язык» [2, с. 548]. Кун приближается к такому пониманию, показывая, что не существует ни нейтральных фактов, ни нейтрального языка, который бы эти факты описывал. Восприятие фактов изначально нагружено некоторым теоретическим знанием, предпониманием, которое определяется действующей парадигмой. Так, для последователей Аристотеля качающееся из стороны в сторону тело, подвешенное на тонкой нити, явля-

ло собой случай сдерживаемого падения. Последователи Галилея, со своей стороны, видели в подобном случае маятник — тело, которое пытались повторить одно и то же движение. Исследователи обоих направлений наблюдали один и тот же предмет, который существовал и продолжает существовать для ученых в разных интерпретациях, причем количество таких интерпретаций может быть не ограничено. Восприятие фактов, таким образом, встраивается в теоретическое понимание, факты не могут существовать без языковой интерпретации [1, с. 160–172]. Поэтому смена парадигм у Куна соответствует смене миров, в которых живут ученые и которые они интерпретируют [1, с. 151].

В связи с языковой проблемой возникает вопрос об истине, отношении человеческих суждений к описываемому бытию. Вышеизложенная ситуация вряд ли способствует сохранению классической, корреспондентской концепции истины не только для Куна, но и в целом для аналитической философии. Кроме того, Кун разрабатывает такое понимание научного прогресса, которое также лишено понимания сущности природы. Философ уподобляет собственное представление о прогрессе концепции эволюции Дарвина. Как известно, теория Дарвина вызвала широкий резонанс, который явился следствием устранения телеологического принципа: эволюция происходит без определенной цели, у эволюции не было задачи создать человека, все случилось под влиянием слепых факторов естественного отбора. Нечто подобное происходит в борьбе парадигм между собой во время научной революции, причем никакая победа не гарантирует лучшего понимания самой природы, вовсе не обязательно, что победившая парадигма наиболее близко подходит к самим вещам [1, с. 207–223].

Кажется, что подобное понимание истины можно вывести и из гадамеровской герменевтики, что осуществили, например, Дж. Ваттимо и Р. Рорти. Если некоторые исследователи критиковали Гадамера за релятивизм, то Ваттимо упрекает Гадамера в том, что он недостаточно релятивист. Как известно, Гадамер утверждал, что бытие, которое может быть понято, есть язык, предметы понимания могут быть даны только через язык, но в то же время философ не отвергал корреспондентскую концепцию истины. Такое сочетание, казалось бы, несочетаемого послужило поводом для критики постмодернистски настроенных интерпретаторов Гадамера [16]. Следует отметить, что Рорти, отвергая соответствие высказываний какой-либо реальности и придавая таким образом герменевтике релятивистское направление, использует источник [1], чтобы показать, что естественнонаучное знание в своей относительности не отличается от, скажем, литературной критики [17].

Однако позицию Гадамера не стоит недооценивать. Несмотря на то, что факты даны только через интерпретацию, именно они говорят о себе. Исполнительские виды искусства дают основу для такого понимания. Под интерпретацией здесь понимается не наделение значением произведения искусства, а само исполнение этого произведения. Можно ли назвать музыкой то, что ни разу не исполнялось? Вряд ли. Между людьми и действительностью Гадамер выстраивает такие же отношения. Бытие само по себе не бессмысленно, оно заставляет проигрывать, интерпретировать себя, тем самым связывает людей в исполнении их версии бытия, и не позволяет говорить об абсолютной ошибочности человеческих суждений [16].

Гадамер считает, что постмодернистское понимание истины, берущее начало от Ф. Ницше, незаметно для себя покоится на номиналистическом предрассудке, согласно которому бытие есть само по себе бессмысленная субстанция. Именно человеческая деятельность наделяет окружающий мир смыслом, отсюда проистекает свойственный этой традиции субъективизм, пытающийся абстрагироваться от любых предрассудков, стать выше истории и рассматривать противостоящую ему действительность совершенно независимо от нее самой. Если нет другого доступа к бессловесной реальности, кроме как через язык, то нельзя удостовериться, насколько людские суждения близки к такому бытию. Однако бытие активно и в определенной степени само определяет суждения, в этом смысле они достигают бытия. Кроме того, постмодернисты считали, что если люди не в состоянии достичь абсолютной вечной непротиворечивой истины, покоящейся на *fundamentum inconcussum*, которая выражала бы подобное пассивное бытие, то о нем и истине можно забыть. Но, согласно Гадамеру, эта строгая концепция истины и заводит людей в тупик. Нигилист Ницше выступает как самый последовательный картезианец, так как постулирует всеобщую относительность ценностей на фоне именно абсолютной истины, которой располагает в лучшем случае Бог. Было бы заносчиво утверждать, что, если человек не располагает абсолютной истиной, то лишен всякой истины и не имеет доступа к самим вещам. Поэтому Гадамер и разработал концепцию истины, лишенную подобных метафизических предрассудков [16].

Эту критику вполне справедливо можно отнести и к релятивизму Куна. Именно традиционное картезианское представление об истине вынуждает Куна говорить, что научные парадигмы не способны приблизить к истине. Ученый навязывает природе свое мнение о том, какой она должна быть. Смену парадигм Кун не раз уподоблял гештальт-переключению: взгляд исследователя во многом определяет, как будет описана природа, в период научных революций сообщество ученых вместо зайца станет описывать утку [1, с. 151].

В философии Гадамера в связи с этим предложен другой подход к истине, способный сохранить и усовершенствовать корреспондентскую концепцию. Поэтому рассмотрение парадигм Куна в рамках философии предпонимания Гадамера позволяет по-другому взглянуть на кризис в области философии науки, связанный с потерей тех ориентиров, которые могли бы приблизить человека к истине, пониманию самого бытия. Можно сказать, что этот кризис связан с завышенными ожиданиями представителей естественнонаучного знания: стремление установить абсолютную истину, свободную от любых человеческих предрассудков в отношении пассивного бессмысленного Бытия. Как следствие, большие ожидания порождают большие разочарования. Но если ввести представления Гадамера в область философии науки, то оказывается, тот факт, что нет единой интерпретации бытия, истинной парадигмы, не свидетельствует о крушении корреспондентской концепции истины и не указывает на непреодолимый релятивизм. Наоборот, из этого следует, что ученые ведут динамичный диалог с активным бытием, проигрывают его в своих разных версиях, парадигмах и получают более или менее определенную истину с точки зрения человека, а не Бога. Это утверждает нескончаемый творческий диалог между учеными и природой, в ходе которого каждый раз выявляются новые грани исследуемого бытия, и опровергает наивную возможность установления конечной версии бытия, после которого научный творческий процесс был бы излишним.

Итак, затрагивая проблемы понимания, авторы статьи попробовали осуществить диалог между двумя разными философскими традициями. Было показано, что представления Куна, касающиеся вопроса взаимного понимания между учеными, принадлежащими разным парадигмальным горизонтам, могут быть сопоставлены с разработками гадамеровской герменевтики. В период нормальной науки ученое сообщество обладает определенным предпониманием, предрассудком по отношению как к окружающей действительности, так и к другим парадигмам. Деятельность ученых можно в действительности рассматривать как работу исторического сознания, которое не осознает собственной ограниченности, но которому предоставили уникальную возможность преодолеть этот предрассудок против предрассудков и приобрести действенно-историческое сознание. Интерпретация, осуществляющаяся действующей парадигмой по отношению к парадигмам прошлого, примером которой является учебная литература, может быть рассмотрена в рамках процесса слияния горизонтов с ярко выраженным примененческим аспектом. В свою очередь, теоретическая нагруженность исследуемых фактов, отсутствие нейтральных фактов и нейтрального языка приближают к осознанию того, что всякий предмет понимания может быть воспринят

только опосредованно, через язык. Поэтому разговоры о герменевтическом измерении в [1] не случайны, и Кун в этой связи выступает в качестве герменевтика естественнонаучного знания.

Представление о несоизмеримости парадигм сближает Куна и Гадамера и одновременно отдаляет их друг от друга. Сближает тем, что эта несоизмеримость вводит герменевтическое измерение. Ведь научное знание не рассматривают на одной всеобъемлющей шкале «истина — ложь». Кун с помощью парадигм постулирует наличие других картин мира, для понимания которых необходимо преодолеть предрассудки аккумулятивистской традиции. Но несоизмеримость парадигм — невозможность определить, какая из парадигм лучше отображает познаваемое бытие — отталкивает Куна от классической концепции истины, что противоречит более оптимистическим воззрениям Гадамера. Можно сказать, что Кун, преодолев предрассудок против предрассудков, все же остался в плену другого, номиналистического предрассудка. Неспособность различных равноценных парадигм приблизиться к бытию, которое полагается в качестве пассивной субстанции и которое человек только собственными усилиями наделяет смыслом, отсутствие единственной верной парадигмы, которая бы преодолела относительность мнений других парадигм — все это стало свидетельством кризиса в области философии науки. Обращение к герменевтике Гадамера позволяет преодолеть этот релятивизм и сохранить классическую концепцию истины как для Куна, так и для англосаксонской традиции философствования в целом. Непрерывающийся творческий диалог между учеными и природой, который подразумевает наличие различных парадигм, каждая из которых по-своему раскрывает активное бытие, — вот результат слияния двух горизонтов: трудов Куна [1] и Гадамера [2].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кун Т. *Структура научных революций*. Москва, АСТ, 2003, 605 с.
- [2] Гадамер Х.-Г. *Истина и метод*. Москва, Прогресс, 1988, 704 с.
- [3] Ginev D. Rereading normal science. *CRITICA, Revista Hispanoamericana de Filosofia*, 2003, vol. 35, no. 105, pp. 65–89.
- [4] Gadamer H.-G. *Reason in the age of science*. Massachusetts, The MIT Press, 1983, 171 p.
- [5] Kuhn T.S. *The essential tension. Selected studies in scientific tradition and change*. Chicago, The University of Chicago Press, 1977, 366 p.
- [6] Кун Т. *После «Структуры научных революций»*. Москва, АСТ, 2014, 443 с.
- [7] Crease R.P. Hermeneutics and the natural sciences: Introduction. *Man and World*, 1997, no. 30, pp. 259–270.
- [8] Ловецкий Г.И., Гаврикова Н.А. Эволюция и экология мироздания: идеи и концепции. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 4.
DOI: 10.18698/2306-8477-2014-4-197 (дата обращения 14.02.2017).

- [9] Борисов Е.В. Герменевтическое понятие нормативности. *Вестник Томского государственного университета*, 2008, № 307, с. 28–31.
- [10] Heelan P.A. The Scope of Hermeneutics in Natural Science. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 1998, no. 29, pp. 273–298.
- [11] Heelan P.A. Why a hermeneutical philosophy of the natural sciences? *Man and World*, 1997, no. 30, pp. 271–298.
- [12] Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. В кн.: Лакатос И. *Избранные произведения по философии и методологии науки*. Москва, Академический Проект, Трикста, 2008, с. 281–475.
- [13] Hoynigen-Huene P. Thomas Kuhn und die Wissenschaftsgeschichte. *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, 2001, No. 24, S. 1–12.
- [14] Кузнецова Н.И. *Наука в ее истории (методологические проблемы)*. Москва, Наука, 1982, 128 с.
- [15] Grondin J. *Hermeneutik*. Göttingen, Vandenhoeck and Ruprecht, 2009, 134 S.
- [16] Grondin J. Vattimo's latinization of hermeneutics. Why did Gadamer resist postmodernism? In: Zabala S. *Weakening Philosophy. Essays in honor of Gianni Vattimo*. Montreal, Kingston, 2007, pp. 203–216.
- [17] Рорти Р. *Философия и зеркало природы*. Новосибирск, Изд-во Новосибирского ун-та, 1997, 320 с.

Статья поступила в редакцию 27.02.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ловецкий Г.И., Комиссаров И.И. Герменевтическое измерение Гадамера в парадигмальной модели науки Куна. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 5.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-5-434>

Ловецкий Геннадий Иванович — д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: социальная философия, философия науки и техники. e-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

Комиссаров Иван Игоревич — ассистент кафедры философии и политологии Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: модели в философии и науке, моделирование философско-научных картин мира. e-mail: ivanlotrov@list.ru

Hermeneutic dimension of Gadamer in the Kuhn's paradigmatic model of science

© G.I. Lovetskiy, I.I. Komissarov

Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch,
Kaluga, 248000, Russia

The paper describes Thomas Kuhn's normal science activities in the context of the hermeneutical problems elaborated primarily in H.-G. Gadamer's publications. We show that the normal science interprets both the reality and other scientific worldviews in compliance with Gadamer's ideas of understanding. If one spreads Gadamer's ideas over the philosophy of science, it can be possible to find the ways out of the crisis that concern the epistemological problem of the truth.

Keywords: Kuhn, normal science, paradigm, Gadamer, understanding, prejudice, problem of truth

REFERENCES

- [1] Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, University of Chicago Press, 1962 [In Russ.: Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Moscow, AST Publ., 2003, 605 p.].
- [2] Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode*. Tübingen, 1960. [In Russ.: Gadamer H.-G. *Istina i metod*. Moscow, Progress Publ., 1988, 704 p.].
- [3] Ginev D. *CRITICA, Revista Hispanoamericana de Filosofía*, 2003, vol. 35, no. 105, pp. 65–89.
- [4] Gadamer H.-G. *Reason in the age of science*. Massachusetts, The MIT Press Publ., 1983, 171 p.
- [5] Kuhn T.S. *The essential tension. Selected studies in scientific tradition and change*. Chicago, The University of Chicago Press Publ., 1977, 366 p.
- [6] Kuhn T. *Posle "Struktury nauchnykh revolyutsiy"* [After "The structure of scientific revolutions"]. Moscow, AST Publ., 2014, 443 p. [in Russ.].
- [7] Crease R.P. *Man and World*, 1997, no. 30, pp. 259–270.
- [8] Lovetskiy G.I., Gavrikova N.A. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin*, 2014, iss. 4. DOI: 10.18698/2306-8477-2014-4-197 (accessed February 14, 2017).
- [9] Borisov E.V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Bulletin*, 2008, no. 307, pp. 28–31.
- [10] Heelan P.A. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 1998, no. 29, pp. 273–298.
- [11] Heelan P.A. *Man and World*, 1997, no. 30, pp. 271–298.
- [12] Lakatos I. *Falsifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm* [Falsification and the methodology of scientific research programmes]. *V kn.: Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [In: Selected works on philosophy and methodology of science]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Triksa Publ., 2008, pp. 281–475 [in Russ.].
- [13] Hoyningen-Huene P. *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, 2001, No. 24, S. 1–12.
- [14] Kuznetsova N.I. *Nauka v ee istorii (metodologicheskie problemy)* [Science in its history (methodological problems)]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 128 p.

- [15] Grondin J. *Hermeneutik*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht Publ., 2009, 134 S.
- [16] Grondin J. Vattimo's latinization of hermeneutics [Why did Gadamer resist postmodernism?]. In: Zabala S. *Weakening Philosophy. Essays in honor of Gianni Vattimo*. Montreal, Kingston Publ., 2007, pp. 203–216.
- [17] Rorty R. *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the mirror of nature]. Novosibirsk, NSU Press Publ., 1997, 320 p. [in Russ.].

Lovetskiy G.I., Dr. Sc. (Philos.), Head of the Department of Philosophy and Political Science, Bauman Moscow State Technical University, Kaluga branch. Research interests: social philosophy, philosophy of science and technology.
e-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

Komissarov I.I., Assistant Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch. Research interests: models in philosophy and science, modeling of philosophic and scientific pictures of the world.
e-mail: ivanlotrov@list.ru